

Несколько лет назад мой город сильно пострадал от вирусной эпидемии. Те месяцы разделили жизнь на до и после. За лето город опустел почти полностью, множество людей уехали, бросив свои дома. Из-за этого остановились предприятия, закрылись магазины. Город на несколько месяцев остался без света, газа и воды. Оставшиеся в городе люди изредка появлялись на пустых улицах, переходили дорогу, не глядя на потухшие светофоры.

В начале это не казалось серьёзным. Появились люди в масках, которые заявляли, что у нас вирус, и призывали не пропустить эпидемию на другие территории. Мы пожимали плечами и говорили друг другу, что здесь же всё нормально, и любой может это увидеть. Они не хотели видеть. Они взяли в руки оружие, поставили кордоны, чтобы не выпускать никого из города, потом ввели спецпропуска, чтобы максимально ограничить выход. Люди в масках, в спецодежде, часто с оружием в руках за время эпидемии стали привычным зрелищем.

Когда пик остался позади, и ситуация немного нормализовалась, город, проживший три месяца без света, газа и воды, перезапустился полностью. Тогда мы поняли, что оказались в новом пространстве. Наш когда-то тихий провинциальный город затопило волнами беды, которые вынесли его из сонной тишины, нанесли

на карты, внесли в ленты новостей, и отхлынули, оставив людей среди руин их жизни. Эпидемия переформатировала нашу жизнь, изменила правила, ограничила возможности, отсекала множество видов деятельности, усложнила оставшиеся.

За прошедшие после пика эпидемии несколько лет город ожил, и жизнь наладилась. Правда, темп и стиль этой жизни очень сильно изменились. Опустевшие сёла, пустые улицы, разрушенные дома, разбитые дороги стали частью повседневности. В то же время в городе работают предприятия, учебные заведения, магазины и учреждения культуры. Эпидемия не окончена, и теперь она принимает форму множества ограничений в повседневной жизни.

Например, транспорт. Раньше в городе был аэропорт, интенсивно работал железнодорожный вокзал. Во время эпидемии перестали летать самолёты и ездить поезда. В городе осталась всего пара пригородных поездов, которые ходили даже тем страшным летом. Поезд — мой самый любимый вид транспорта. Я люблю поезда, люблю лежать на верхней полке, слушать стук колёс, смотреть на мелькающие за окном столбы, посадки, речушки. Как и другие жители моего города, я потеряла возможность наслаждаться этим чувством дальнего пути, бесконечного покоя и включения в новый поток времени, когда поезд отходит от станции. Я не могу передать это ощущение и своим детям, потому что пригородные поезда доезжают, куда нужно, за пару часов, не увозят никого в другое пространство, а просто чуть быстрее перемещают в том странном мире, который и так окружает всех нас.

Наша связь с миром, почтовая и телефонная, также нарушена из-за эпидемии. Почтальон не принесёт мне письма или посылки. Нашего города нет на карте. Чтобы отправить сюда письмо с других территорий, нужно писать на ненастоящий адрес, на абонентский ящик за границей, а оттуда письма доставят сюда и распределят внутри города по старым адресам. Это то, что осталось от реальной связи с внешним миром.

С телефонной связью тоже постоянные проблемы. Телефонные операторы или не работают здесь или работают очень плохо, не справляются с потоком данных из-за разрушений инфраструктуры, недостатка кадров, общего технологического отката назад. Бывают дни, когда с двумя карточками в телефоне ты не можешь никому дозвониться, и бывают города и посёлки, где по несколько дней нельзя дозвониться никуда.

Банковская система разрушена из-за эпидемии. Мы выключены из всех сетей, мы не можем платить картами в интернете

или где бы то ни было, нам нужно открывать или продлевать карты за границей, а здесь есть только Госбанк, который перечисляет бюджетникам зарплату и не даёт кредитов.

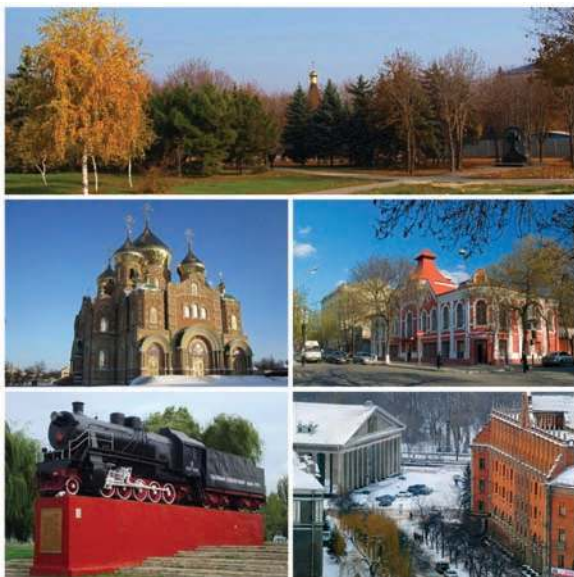
В новом пространстве, где старые связи разрушены, постепенно, очень медленно и с большим трудом выстраиваются новые работающие механизмы человеческих отношений. Каждый выживает как может, но никто не выживает в одиночку.

Эпидемия приучила нас беречь ресурсы, в том числе духовные и душевные. Многие неосознанно живут по правилам: не тратить эмоции на рассуждения о ситуации, сколь бы авторитетным ни был аналитик, который берётся говорить о наших проблемах; реагировать на происшествия тогда, когда их уже нельзя игнорировать, а не тогда, когда их предсказывают знающие люди. Эти принципы позволяют распределить силы и делать, что должно, не засоряя эфир постоянными жалобами на жизнь.

Мы видим людей, которые не следуют этим правилам, постоянно мониторят сеть, чтобы узнать, когда же это всё закончится, и слушают длинные ролики информированных специалистов с инсайдерской информацией о том, как быстро решить наши проблемы. Они читают одни и те же сайты годами, они живут не здесь, а где-то там, за гранью эпидемии, в будущем, которое наступит, когда эпидемия кончится. Между тем реальная жизнь вытекает у них между пальцев, оставляя их ни с чем, в постоянной тревоге, с невидящими глазами, слушающих голоса, отрезанными от всего, что может утешить и порадовать сейчас, в эту минуту, которая не повторится.

Приходя в себя после катастрофы, мы заметили, что разрушено далеко не всё. Некоторые вещи не выдержали напора и рухнули, но многое осталось. Мы не всё потеряли, мы даже стали богаче. Волной смыло много ненужного и лишнего, осталось настоящее, осталось то, без чего нельзя выжить — дружба, доброта, мужество, любовь. Так тяжкий млат, дробя стекло, кует булат. И каждый вечер перед сном нам есть за что благодарить.

Из этого нового пространства, в которое внезапно переместился Луганск летом 2014 года, когда его захлестнула эпидемия насилия, нацизма и войны, развязанной Украиной, мы смотрим сейчас, весной 2020-го, в другой мир, где бушует пандемия. Там люди страдают от самоизоляции, ограничения передвижений, отмены своих планов, необходимости делать уроки с детьми и постоянно общаться с родными. Город, переживший настоящую осаду в XXI веке, может поделиться опытом спасения от эпидемии.

Луганск. Источник:

<https://commons.wikimedia.org/w/index.php?curid=30121429>

Потрясение всех основ и внезапная смертельная опасность заставляют пересмотреть свои приоритеты, определить, что в жизни самое важное, от чего нельзя отказаться даже под угрозой смерти. Идеальные структуры человеческого бытия, дремлющие в тихой повседневности, актуализируются во время жестоких противостояний, судьбоносных решений, предельного выбора. Идеи и цели, которые позволяют нам держаться в трудную минуту, не появляются мгновенно на пустом месте, а существуют постоянно, незаметно определяя наше поведение, решения, готовность подняться над судьбой.

Лекарство от вируса, которое дадут медики, — это лишь малая часть тех средств, которые нужны, чтобы общество выстояло во время кризиса. Самое главное лекарство — доброта, человечность, готовность помочь даже тем, кого не знаешь. Эти неосязаемые чувства создают связи, которые прочнее стали, неподвластны времени и держат нас всех над пропастью. Во время войны или эпидемии, сейчас, как и всегда, нужно делать, что можешь на том месте, на которое тебя поставил Господь, с верой, надеждой, любовью.